

Тогда, в январе 1991-го, это известие из Москвы приняли с облегчением родные в Россоши и земляки в Ольховатке. Есть-таки справедливость на белом свете! Фронтовику Владимиру Алексеевичу Сапрыкину вернули звание Героя Советского Союза, которого он был лишен в августе 1977 года.

1

Осенью 1977 года мемориальную доску Героя Советского Союза снимали со здания школы в безлюдье. Когда и классы были пусты, и в школьном дворе ни души.

Сорвали мемориальную доску, которой гордились ребята-следопыты. Они ведь вместе со старшими наставниками нашли и утвердили, что именно в их Ольховатской средней школе Воронежской области в конце тридцатых работал учителем Герой Советского Союза комбат Сапрыкин.

Ребята раздобыли краеведческие книги, получили подтверждение из архива. Нашли родственников Героя — отца, сестру. На магнитофонную пленку запечатали рассказы тех, кто помнил Владимира Алексеевича как сельского учителя.

Жизненный путь Сапрыкина вырисовывался таким. Родился в августе 1916 года в селе Суходол (нынче это Краснинский район Липецкой области). Отца по службе часто перебрасывали из райцентра в райцентр, колесили по Воронежской области. Владимир после школы окончил рабфак, педагогический институт в Воронеже, откуда его и направили учительствовать в Ольховатский район. Преподавал он математику и физику. Там в конце 1937-го познакомился с выпускницей Бобровской медицинской школы Еленой Конновой. «Мне еще не было девятнадцати, Володя на два года старше, — вспоминает Елена Петровна. — Зимой мы поженились, а летом переехали в Ольховатку. Осенью тридцать девятого его призвали в армию. Стал курсантом Грозненского пехотного училища. В конце мая или начале июня сорок первого ранним утром ворвался ко мне в комнату — лейтенант Сапрыкин! Проводила его на службу. Восемнадцатого июня получила письмо от Володи из Минска. Ему обещали жилье: «Жди вызова»...

Лейтенант Сапрыкин с июня сорок первого на фронте. Командовал стрелковым взводом, ротой, батальоном.

Коммунист с 1943 года.

Отмечен наградами в том же году.

Орденом Красной Звезды награжден за то, что «в бою 8 марта 1943 года у деревень Кривоустово и Гаврилки Тумановского района Смоленской области, будучи командиром батальона, умело руководил бойцами, сам ходил в разведку». Тогда же у деревни Прудки батальон Сапрыкина «отбил у гитлеровцев свыше тысячи человек — девушек и молодых женщин, угоняемых в Германию».

Орденом Александра Невского, командирским, которым награждали лучших офицеров, отмечен за то, что «...образцово организовал вынос раненых с поля боя, все они были эвакуированы своевременно». Его бойцы в числе первых ворвались в Вязьму.

Свой последний бой капитан Сапрыкин принял у Красной Слободы Дубровинского района, уже Витебской области.

«...Каждый день противник предпринимал до 10-12 контратак с поддержкой танков. Комбат Сапрыкин в течение трехдневных боев героически сдерживал натиск до батальона противника пехоты, оставаясь с группой в тридцать человек. На третий день немцы вновь предприняли ожесточенную атаку при поддержке 15 танков и отрезали Сапрыкина с остатками батальона. Наши бойцы дрались до последнего патрона, воодушевляемые стойкостью своего комбата. Тов. Сапрыкин вызвал огонь на себя, когда кольцо немцев сузилось до двадцати метров. До последнего дыхания капитан уничтожил наседавших со всех сторон врагов. Смертью героя погиб Сапрыкин, истребив со своим батальоном за три дня боев до полка немецкой пехоты. Его подвиг заслуживает высокой награды».

Ее и присвоили. Посмертно.

Такова вот вкратце судьба человека, очерченная датами: 24.8.1916–3.12.1943.

В Ольховатском краеведческом музее выставили книги, рассказывающие о Сапрыкине. Это — «Богатыри земли воронежской», минское издание «Навечно в сердце народном».

Имя комбата всегда называли в дни скорбных торжеств, связанных с Великой Отечественной.

И вдруг...

Хоть и снимали памятную доску в безлюдье, слух о том прошел по поселку. По долгу своей газетной службы, как собственный корреспондент воронежской областной газеты «Коммуна», я начал разузнавать о случившемся. Герой ведь, оказывается, жив! Но он — за границей, в Канаде. Факт до выяснения обстоятельств не подлежал огласке, тем более в печати. Выяснение обстоятельств затянулось. А когда вышел двухтомный словарь-справочник, в списках героев комбат Сапрыкин уже не значился.

2

Та же газетная дорожка позже свела меня с работавшей на железнодорожной станции Россошь сестрой Владимира Сапрыкина — Любовью Алексеевной Кравцовой. Рассказала, как однажды ее срочно позвали к телефону. Взяла трубку и — чуть не уронила.

— С вами будут говорить из Канады. Торонто на проводе. — Мужской голос. Слышимость неважная. Главное узнала: мой погибший брат жив. Второпях что-то рассказывала ему. Записала адрес. Отправила большое письмо.

Вскоре почтальон принес ей непривычно продолговатый конвертный пакетик с иностранными марками. На девяти густо исписанных страницах брат сообщал о своем воскрешении из мертвых.

«Дорогая Люба!

Письмо твое шло почти 8 месяцев!

Если бы я дал волю своему воображению, и тогда не смог бы допустить всего того, что поведала мне ты. Как трудно при всем пережитом совместить одновременно столько печали и счастья. Умер папа... Больше всего на свете боялся получить подобные вести. До последнего времени я все еще верил, что вот-вот получу письмо от отца. И вместе с этим какое жгучее счастье — узнать, что у меня есть в России такая отважная сестра! Мог ли себе даже вообразить, что в тот страшный 1941 год, когда я уходил на войну, появишься на свет ты. В моем воображении ты представляешься малюткой, а ведь тебе теперь 37 лет!

Как передать тебе все то, что овладело мною при сообщении о той высокой чести, которой удостоила меня Родина. Для меня, для человека, больше полужизни проведшего в отрыве от Родины, честь — быть героем своего народа — трижды теперь дорога. В эти дни заново пережил все. Многое уже в памяти стерлось. Вкратце передам тебе все то, что, на мой взгляд, кажется существенным...»

4

«Мыслями переносюсь в Красную Слободу, где мне суждено было стать героем страны и одновременно закончить свой воинский путь. Батальон мой входил в состав 612-го полка 144-й дивизии, той самой, которая первой 12 марта 1943 года ворвалась в город Вязьму (о чем сообщало Советское информбюро). В декабре того же года дивизия участвовала в прорыве Витебского выступа на Оршском направлении. Что представлял Витебский выступ и какое значение ему придавали немцы, ты, думаю, знаешь из истории войны...»

Оставим на время чтение письма. Посмотрим, скажем, глазами генерала немецкой пехоты Курта Типпельскирха на боевую обстановку той поры. Фашисты пытались «держаться во что бы то ни стало» по Днепру и «отныне покончить с отходом». Севернее Витебска русским удалось прорвать оборону, «брешь превратилась в кровотокащую рану на стыке» двух армий. Предложения командования «оттянуть фланги» Гитлер упрямо отклонял. С Витебского выступа он надеялся начать наступление группы армий «Север» и сполна рассчитаться за утерянные победы. От Витебска до Москвы — рукой подать!

«...Моему батальону поставили задачу — прорвать на узком участке в Красной Слободу укрепления противника. Свою задачу выполнили. Но силы были неравные. Позиции переходили из рук в руки. В последней схватке меня ранило в грудь. Несколько минут был еще в сознании, мне успели сделать перевязку. Это все, что помню. Несколько раз приходил в себя, когда на поле боя уже все стихло. Возле меня контуженный сержант оказывал мне посильную помощь. Он и перенес меня с открытого поля в укрытие близ силосной ямы.

Из его слов узнал, что все мои полевые документы вместе с планшеткой, а также боевые ордена зарыты им в землю. Страшные нечеловеческие боли раздирали тело. Не в состоянии был даже шевельнуть пальцем руки. Порой казалось, что все это — кошмарный бред, что я нахожусь в госпитале.

Иногда по звуку залпов отчетливо узнавал свою артиллерию, снаряды ложились где-то рядом. Каким мучительным физически представляется мне мой конец, как милостыню ожидал разрыва своего снаряда около себя (прости за малодушие, было так).

Владимир Алексеевич Сапрыкин

Иногда казалось, что вот-вот ворвутся свои. Но они не пришли, свои придут значительно позже, чтобы уже безостановочно идти вперед.

Немцы обнаружили меня только на шестой день. Одно теперь несомненно — никогда не оставили бы меня в живых, обнаружив сразу после схватки. К тому же — живое любопытство и удивление перед живучестью русского с явно фатальным ранением в какой-то степени отразилось на моей дальнейшей судьбе.

Попал в госпиталь военнопленных в Орше. На счастье, среди медицинского персонала госпиталя оказались свои, русские. Вот этим-то истинным патриотам, пострадавшим в плену с самого 41-го года, я и обязан своей жизнью. Конечно, дело было не лично во мне. Для них я оказался первым встретившимся офицером наступающей Советской Армии. Немцы не могли меня долго держать близ фронта, вскоре перевели в Восточную Пруссию. Теперь я не помню имени моих спасителей, помню только наиболее близкого мне врача Антипова. Встречал его впоследствии в лагерях Восточной Пруссии.

Меня веди на перевязку, а он окликнул из колонны военнопленных, шагнул ко мне и чуть не поплатился жизнью. Дулом парабеллума остановил его сопровождающий меня унтер-офицер. Успели только обменяться поклонами. Как бы был признателен тебе, разужай ты что-либо о нем, он, кажется, москвич. Как много участия принял он в моей судьбе.

Дальше меня перевели в международный офицерский лагерь. Это город Нинбург у голландской границы. Обстановка складывалась тяжелая, особенно для советского офицера. Бежать или умереть — вот что постоянно сверлило голову. Как бежать при моем слабом состоянии? Два близких мне друга, физически покрепче, бежали, но были пойманы уже на значительном расстоянии, их вернули в лагерь и расстреляли.

Освобождение пришло другим путем — со вступлением английских войск в Вестфалию...»

5

«Я не сомневался, что среди своих числится погибшим. «Воскресать из мертвых» с постыдным клеймом военнопленного было не в моей натуре. Так, вопреки мировоззрению, желаниям, стремлениям, с ясным пониманием того, какая тяжелая судьба ожидает меня впереди, начал жить на чужбине. Всю эту жизнь склоняюсь памятью перед своими боевыми сподвижниками. Они умирали героями. Себя же в глубине души всегда чувствовал в ложном положении, как «воскресший»...

Жизнь русского за границей (ты это должна знать из литературы), если он только не потерял душу и любовь к Родине, нелегка. Моя же жизнь оказалась тяжелой в особенности (речь идет не о куске хлеба). Ты можешь заключить это хотя бы из того, что почти четыре года безотрывно провел на больничной койке. Последствия ранения, как и следовало ожидать, дали о себе знать. Имея двух-трех искренних друзей, всю жизнь провожу в одиночестве. Была у меня жена, врач по

профессии, — оказалась с ней разные люди. Жизнь обывательская не прижилась ко мне. В такой обстановке легко можно спиться или сойти с ума...

И все-таки достало сил окончить политехнический институт и стать инженером. Дом мой (тебе, вероятно, покажется странным, что я домовладелец!) — своего рода маленький уголок Родины. У меня большая библиотека, около пяти тысяч томов, что и побудило меня стать домовладельцем. Книги — моя гордость, без них не могу и представить свою жизнь. Библиотека и связывает меня с Родиной. Ваши радости — мои радости. Ваши печали отражаются на мне вдвойне.

Вот, кажется, и все о моей жизни. Когда-то Вертинский с отчаянным душевным надрывом писал о четверти века без Родины, я же больше без нее — 35 лет! Да разве я один... Миллионы людей обездолила эта война. В море горя и слез моя судьба — слезинка».

6

«Так ничего и не узнала бы ты о своем брате, если бы не случайные розыски Красного Креста. Но об этом как-нибудь после. Мне очень досадно, что посетившие меня представители Советского посольства не располагали адресом отца. К тому времени я мог бы связаться с ним по телефону. Хотя откуда они были уверены в достоверности моей персоны? Теперь, насколько мне известно, их уже нет в Канаде, если представится возможность когда-либо, то засвидетельствуй им мою глубокую признательность за то внимание и содействие, которое они оказали мне, связав с вами.

В стране, где я живу, новости обо мне одними воспринимаются с восторгом, другими — с дикой злобой и ненавистью. Так уж устроен белый свет, мне к этому, живя за границей, не привыкать...

Вспоминая фронтовые годы, забыл упомянуть, что в 1943 году где-то под Вязмой встретился со своим дядей по маме — Иваном Тихоновичем. То был неожиданный случай. Батальон менял позицию. При смене в одну из рот явился мой дядя. К своему изумлению, узнал, что командиром батальона является его племянник. Трогательная встреча. Передо мной стоял закаленный войной волевой лейтенант — командир взвода разведки. А ведь до того последний раз виделись с ним, когда мне было лет 13-14. Можешь себе представить, каким удивлением для дяди было видеть в озорном мальчишке-племяше — командира батальона! К сожалению, времени нам было отпущено тогда мало, предстояло большое наступление. Обменялись на память часами. Каждый сознавал, какие трудности ожидают впереди. Вскоре меня ранило в ногу, направили в Калугу. Больше о нем не слышал. Напиши, что знаешь.

Подробнее напиши об отце. Как давно его известили, что я жив? Догадываюсь, что тяжело ему было до последних дней мириться с мыслью — сын за границей. При всем его субъективном отношении ко мне, он всегда вызывал восхищение и гордость как человек исключительной твердости в своих убеждениях. Отец наш принадлежал к тому историческому поколению России, которое «диалектику изучало не по Гегелю», сама жизнь была им суровой революционной школой. В годы детства мы, сыновья, при постоянной служебной занятости отца мало с ним общались. Хотелось верить, что на склоне лет ты, Люба, явилась для него истинным утешением.

Пиши мне подробнее о себе, о своей семье. Телефонный разговор меня очень обезнадежил — слышимость отвратительная...

Письмо твое дышит отчаянием. Это понятно — написано спустя пять дней после смерти отца. Второпях ты забыла вложить фотографию папы и мамы. Конверт письма снабдила маркой только в пять копеек. Этим, хотелось верить, только этим

объясняется длительная доставка письма. Постарайся выслать их только воздушной почтой.

Письмо свое пишу с перерывами. Состояние здоровья такое, что на время пришлось оставить службу. Правая рука очень беспокоит. История, опять-таки ведущая к прошлому. Пришлось ведь перенести тяжелую операцию на шейном позвонке. Силы мои заметно сдают, а больше всего меня беспокоит судьба моей библиотеки. С любовью и старанием создавал ее в течение многих лет. В ней собрана почти вся наша классика.

Теперь, с получением весточки от тебя, мне становится легче. Не знаю, позволят ли обстоятельства и состояние здоровья увидеть тебя и дорогие моей памяти родные места. Поверь, при моем разбитом состоянии нелегко переносить и счастье.

Не забудь поклониться от меня могиле нашего отца...»

7

В том же 1978 году Люба получила еще весточку от брата. Доводился он ей братом по отцу. Родная мама Владимира Алексеевича умерла в тридцатые годы. Оставшийся с младшеньким сынишкойлевой на руках, отец Алексей Васильевич женился второй раз.

«...Виноват перед тобой за долгое молчание. Объясняй последнее чем угодно, но только не невниманием к тебе. Подробности твоего последнего письма и фотография отца настолько всколыхнули мою душу, что до сего времени не могу прийти в себя. Лишний раз клянусь судьбу, лишившую меня последнего, что еще оставалось в жизни, — увидеть отца перед смертью. Пойми, родная, как мне тяжело. Живу совершенно замкнуто. Мне не хотелось видеть ни друзей, ни знакомых. Как бы хотелось никому и ничем о себе не напоминать. Состояние такое, что готов был оставить службу. Как счастлив, что этого не сделал. Рутинные занятия, голая электроника только и спасают меня. По совету врача живу как бы созерцательной жизнью.

Сейчас вроде начинаю приходить в себя. Не отрываюсь от ваших фотографий! Ты выглядишь чудесно! Во многом унаследовала черты отца! Как прелестны мои племянницы! В моем представлении твой муж — хороший семьянин. По всему видно — ты имеешь счастливую семью.

Мне лестно слышать о моем командире Иване Антоновиче Калиниченко, с каким вы поддерживаете связь. На дальних подступах к Москве это он, заменив убитого командира полка, в тылу врага в течение нескольких недель сдерживал натиск немцев на дороге Москва-Минск. Насколько кровавыми были события, ты можешь судить по тому, что из двух тысяч человек нас осталось в живых немногим больше ста. Всегда с гордостью и восхищением вспоминаю о нем. Ему, несомненно, покажется непонятной и невероятной моя судьба. Мой солдатский поклон Ивану Антоновичу!

Желаю вам всего самого светлого, радостного в наступающем Новом году.

Целую тебя, твой брат Владимир.

P.S. Вскоре, после получения твоего первого письма, я написал в Верховный Совет с извещением, что сведения о моей смерти не соответствуют действительности».

8

Любовь Алексеевна, конечно, выслала книгу, где был напечатан портрет брата-героя, «совсем еще молоденького». Владимир Алексеевич не подтвердил, получил ли он ее.

Решила сестра ехать в гости к брату, да ей, мягко говоря, отсоветовали, ссылаясь на государственные секреты в железнодорожной службе, в которой работала она и ее муж Владимир Афанасьевич Кравцов, начальник станции Россошь.

Люба сообщала о давних семейных потерях. Младший брат Сапрыкина — Лев — погиб в 1942-м в Воронеже, попал под вражескую бомбежку. Старший брат Анатолий вернулся с фронта после войны, но прожил недолго, скончался.

А затем переписка заглохла. Последнее письмо в Торонто вернулось назад в Россошь с припиской на конверте, извещающей, что адресат там не проживает.

Оставалась Любовь Алексеевна в неведении, а душа-то ведь болит. Попросила помочь ей в розыске брата. Жив ли он? На нездоровье как жаловался. Разрешили бы, хоть сейчас бы полетела...

Мы написали письмо собственному корреспонденту одной из центральных газет в Канаде. Ответа не дождались.

Позже выяснилось, что весной 1979 года Сапрыкин узнал, что его лишили звания Героя. «За что мне мстят в России?» — горько жаловался другу-земляку. С той поры Владимир Алексеевич замкнулся, болезни уложили его на больничную койку. Умер он 24 апреля 1990 года. Чужие люди похоронили комбата на чужбине, которая по душе так и не стала ему второй родиной.

А в это же время фронтовики уже хлопотали о «реабилитации» Сапрыкина. Любовь Алексеевна не ведала о кончине брата. Телефонные разговоры, которые я вел по ее просьбе с Отделом наград Президиума Верховного Совета СССР, обнадеживали. Нам отвечали: «дело» комбата Сапрыкина не закрыто, скоро по нему готовится решение.

Завесу секретности приоткрыло выступление журналистов газеты «Труд» 8 января 1991 года. Им удалось ознакомиться с архивными материалами.

Понятнее стало, отчего Владимир Алексеевич в час нелегкого выбора не возвратился на Родину «с постыдным клеймом военнопленного». Оказывается, он уже чувствовал смертный холодок этого клейма в сорок первом, когда вместе со своим полком вышел из окружения в Подмосковье. Их 303-я стрелковая дивизия участвовала в Ельнинской боевой операции. Проверку «окруженцы» проходили в военных лагерях. Как такое произошло, но — Сапрыкин взял да и отлучился в «самоволку», больше суток отсутствовал в части, загостился в ближней деревушке. Военный трибунал вынес офицеру суровый приговор: за «дезертирство» десять лет лишения свободы. Проступок искупал кровью. В бою был ранен. Судимость сняли по ходатайству Военного совета Западного фронта. В сентябре 1942-го Сапрыкин назначен командиром роты, а 12 октября ему присвоено очередное звание старшего лейтенанта.

Однополчанин Иван Измоденов запомнил комбата рослым и крепким, красивым особой мужской статью. А в учетной трофейной карточке военнопленного Сапрыкина, находившегося в тюрьме немецкого городка Танненберга, значится: вес — 43 килограмма, это-то при росте в 176 сантиметров.

Измытаренный войной и пленом, человек вдругорядь не стал испытывать свою судьбу и судьбу своих близких, прежде всего отца — коммуниста с 1918 года, фронтовика. Было ведь немало случаев, когда отец за сына тоже отвечал.

Не осуждайте, и вас не осудят.

Сапрыкина судили заглазно в 1977-м, когда узнали, что он жив. Комбата лишили звания Героя. Объяснения тому есть разные. То ли наш переводчик неверно истолковал особую отметку на лагерной карточке и зачислил Владимира Алексеевича в легионера, служившего в фашистской армии. То ли Сапрыкин некоторое время находился в лагере немецкой разведывательной службы. То ли еще в 1945-м в освобожденном англичанами фашистском концлагере «черную метку» ему поставил подполковник СМЕРШа. При допросах не сошлись характерами. Вгоря-

чах, скажем, закусил, что называется, удила. Норов ведь крутой. Сила воли какова! За границей изучить чужой язык, из сторожей-грузчиков выбиться в телемастера, успешно закончить институт, стать ведущим инженером в известной фирме — для всего этого нужны незаурядные способности.

На Родине вернулись к «делу» комбата. И был вынесен вердикт:

«Установлено, что Архив Министерства обороны СССР, Особый архив при СМ СССР, Архив КГБ СССР, МГБ ГДР компрометирующими сведениями, в том числе о службе Сапрыкина легионером в немецкой армии, не располагают. Контузия, огнестрельное ранение в грудь в бою 3 декабря 1943 года лишали Сапрыкина возможности служить легионером в немецко-фашистской армии. Данных о его сотрудничестве с разведывательными, контрразведывательными и карательными органами фашистской Германии в период пребывания в плену, а также о проведении им враждебной СССР деятельности за время проживания в Канаде не имеется.

Оснований для отмены Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года о присвоении Сапрыкину Владимиру Алексеевичу звания Героя Советского Союза не имелось».

Подписан этот документ Главным военным прокурором — заместителем Генерального прокурора СССР А.Ф. Катусевым.

9

Ветераны войны из воронежской Ольховатки, из витебской Дубровны направили в Москву прошения о перезахоронении праха Героя Советского Союза Сапрыкина из Канады в родимое Отечество.

Минуло еще почти десять лет, прошли годы в хлопотах тех, кто близко к сердцу принял трагическую судьбу Владимира Алексеевича Сапрыкина. И только благодаря распоряжению Президента Белоруссии Александра Лукашенко 2 июля 1999 года фронтовики Великой Отечественной опустили в братскую могилу урну с прахом Героя, в омытую кровью родимую землю, где он вместе со своими друзьями-однополчанами принял смертный бой.

А на центральной площади Ольховатки принародно открыли бюст Герою. И вернули школе памятную доску.

